

Кризисы в циклической картине мира

Далее речь должна идти о формальных признаках переходного периода. Здесь прежде всего следует различать четыре понятия.

1. Катастрофа, кризис, бифуркация, революция

В заголовке мы обозначили набор понятий, связанных со специфическими точками перехода между двумя спиралями, в которых происходит смена одного качества на другое. При правильном отнесении эта четверка терминов обязательно даст нам четверичную типологию, в общем-то, она здесь очевидна. Вопрос может стоять, во-первых, о типах движения материи, во-вторых, об уровнях (качество какого уровня в данной точке меняется).

Мы знаем, что историческая траектория *эволюции человечества* представляет *непрерывную* коническую кривую. Но в ней наблюдаются некие “экстремальные точки”, в литературе часто называемые точками “перелома”, или “излома”, в которых более-менее равномерный ход жизни прерывается болезненными **кризисами** (совокупность точек излома создает так называемый “**тренд**”, или “стрелу времени”). В естествознании аналогичными качествами наделяется “**катастрофа**”. Вместе с тем у катастроф есть и ряд существенных отличий от кризиса.

В жизни общества те же точки называют “**революциями**”. Их определение исходит из совокупности взглядов той или иной науки. Есть история революций, написанная на основе циклов базиса, экономики, технологии, типов производства (К. Маркс, Э. Тоффлер, П.А. Сорокин и др.). Мы рассматриваем идеальные образования и говорим ниже о **ментальных революциях**. Таким образом, *как правило*, все “**революции**” в **общественном развитии аспектны** и относятся к выделяемому объекту в определенном ракурсе.

Говоря так, мы не отрицаем, что революция в одной сфере способна вызвать революции в ряде других (например, всякого рода “революции” в способах производства и в техном мире не раз вели к “революциям” в био- и ноосфере, оставляя после себя пустыни). Но до тех пор, пока эта связанность носит характер общих заявлений, а не выливается в связанный пакет прослеживаемых исторических тенденций разных уровней, говорить здесь особо не о чем (особенно на фоне ряда очевидностей). Исторический процесс необратим, и следствие необратимости — волновая динамика социальных систем, самоорганизующийся процесс, где накопление количества приводит к накоплению нового качества. Это — процесс взаимодействия многих самостоятельных механизмов (менталитета, общественного сознания, форм социальной организации, технологии и т.д.). Эволюция общества протекает под действием как *пакета внутренних факторов* (и мы поговорим об их множестве), так и *пакета внешних факторов* (где она есть результат взаимодействия замкнутой системы “общества” с внешней средой). Здесь *с двух сторон* (из надсистемы и из подсистем) проявляется действие **принципа полифакторности**. Вот почему описание эволюции общества как результата действия какого-то одного фактора на сегодняшний день выглядит просто наивно и, как правило, преследует политические цели.

Абсолютизация одного фактора и построение затем на нем “политики” в истории предпринимались не раз. Так, А. Смит фетишизировал “невидимую руку”, Ф. Кенэ — “математические таблицы”, М. Вебер — религию (особенно протестантство), К. Маркс — классовую борьбу и жизнь экономического базиса. Примечательна и книга Е.Т. Гайдара, где в качестве подобного абсолютного фактора истории выступает эволюция частной собственности — тема точно соответствует политической ориентации нашего времени, но не научной истине.

Необходимо уточнить наше отношение к термину “революция”, который мы стараемся не употреблять в системном смысле. В литературе он повсеместно трактуется как “перерыв постепенности, качественный скачок в развитии”, а “революция” в этом смысле есть парное понятие по отношению к “эволюции”.

Нам представляется, что то же самое явление **разрыва непрерывности в эволюции биологических видов** называть “революцией” было бы неправильно. И, поскольку данный термин несет вполне определенную идеологизированную функцию в прошлой советской философии, вместо “революции” (фаза переворота) применим другой термин: *формационный циклический кризис*.

“Большая революция” и есть формационный циклический кризис. О разновидностях мы поговорим ниже.

2. Революция и бифуркация

В революциях никто не виноват: в ней виноваты все.

Талейран.

Для начала требует пояснения и такой специфический термин, как **“бифуркация”**. Само понятие бифуркации (в переводе с латинского — *раздвоение*, иногда понимаемое как *точка схода с линейной траектории*) пришло не из истории, а как раз из традиционных естественных генетик. Теперь его применяют и по отношению к общественной истории. Наиболее развитую общую трактовку этого термина мы видим в синергетике. У И. Пригожина содержится и очень важная идея *управления случайностью*, поскольку хаос можно рассматривать и как деструкцию для последующего конструирования. Так что бифуркационные проявления далеко не однозначны.

Суть представления о бифуркации состоит в том, что на фоне уже деградирующей, но все еще главенствующей линии проявляется новая линия (происходит своеобразное **раздвоение** исторических тенденций, имеющих своих носителей), и борьба этих линий (часто это вообще не две линии, а “веер альтернатив”) иначе описывает ситуацию смены доминирования, чем “революция”. Можно предположить, что “революция” есть надсистемное, “**экстраописание**” системы, а бифуркация — внутрисистемное, “**интрописание**”.

Специфика у исторических бифуркаций в социуме все же своя. Социум запасается многими **каналами для сохранения содержания культуры**, и мы знаем, что никакая примитивная камнедробильня не уничтожит идей, выработанных в предшествующем менталитете. Они найдут нишу, где можно “спрятаться”, чтобы непременно возродиться в нужный момент и в нужном месте. И тогда специалисты реконструируют затаившийся менталитет ушедшего времени и

выкопают из вечной земли все достаточные материальные памятники для подтверждения понятого в идеях. Пока что так было во всех случаях исследованных погибших цивилизаций и культур.

По данному поводу можно даже выдвинуть неплохую гипотезу. Нам кажется, что явная *избыточность*, например эстетического, наличие множества вариантов одного и того же, множества копий, воспроизводимых с оригиналов, множества видов и жанров искусства и произведений в них (и так далее) служит цели сохранения *этого менталитета* в случае, если наступит его разрушение. Культура, с ее избыточностью, есть не просто социальная память, плавно переходящая от исторического пассионария к следующему пассионарию, а *застрахованная от разрушения социальная память*, увеличивающая тем самым “надежность” процессов исторической преемственности. Можно свести суть культуры к проявлению более широкого и универсального космического принципа “уходя, оставаться”.

Вот известный пример такого рода. Вождь вестготов Алярих вступил в Рим 24 августа 410 г. Варваров принимали как спасителей, рабы сами открыли им ворота. Рим к этому моменту не просто развалился, он уже сгнил до состояния трухи. Эта победа только открыла эпоху нашествий и разграбления Рима. Завершили ее в 476 году вандалы, за 14 дней они превратили бывшую великую римскую культуру в пепел.

Подобные процессы *между витками* исторической спирали — явление, к сожалению, закономерное. Смывание прошлой идеологии и ментальности происходит через ее идейное отрицание и путем уничтожения материальных носителей прошлой идеологии, включая не только памятники и рукописи, но и живых людей — ее активных носителей.

Периоды разрушений, эти исторические зазоры между циклами, *подчинены общему ритму истории*. Если в Древнем Египте они занимали иногда несколько веков (таков был общий темп изменений), то в нашем веке насчитывают несколько лет “безвременья”, или, как сейчас говорят, “беспредела”. Они подчинены тому же закону ритма, что и циклы истории.

К такому *периоду*, немалому по меркам человека и поколения, относится **самостоятельное существование выразительной категории “безобразного” в менталитете**. В трехфазовой трактовке системного цикла были выделены три такие категории: “трагическое — прекрасное — низменное”, категория “безобразного” обозначает кое-что более сложное — разрыв между системными циклами. Например, она отчетливо проявляет себя на переходе от начала первой мировой войны до 1920 года (когда Блок вдруг перестал слышать музыку жизни и написал жуткие для него слова: “Не стало звуков”). Так что ничего нет такого в теории, чего мы не нашли бы в истории. И хорошо, если наоборот.

Приступы “бифуркационного варварства” весьма подробно описаны в литературе по Атлантиде. Они прокатились через все века человеческой истории, и можно утверждать, что уничтожение Александрийской библиотеки христианами, бесценных рукописей американских доколумбовских цивилизаций пришлыми европейцами, акультурные идеи деятелей русской революции 1917 года и костры из книг эпохи Третьего рейха демонстрируют, что новые “пассионарии” всегда поступали так же, как и их исторические предшественники.

Нас, собственно, интересует в данном вопросе только тот момент, что **по мощности и целенаправленности разрушений можно точно определить момент начала нового менталитета**. Сопровождающиеся кровавыми потоками — в системогенетическом ракурсе — эти периоды есть не более чем свидетельство, что перед нами — ментально и идеологически новое историческое явление, а не *локальный бунт* внутри старого менталитета. Лозунг таких всеобщих бифуркаций звучит категорично: “*До основанья, а затем...*”.

Четыре термина и их специфика. Вернемся теперь к четверке, которую мы обозначили еще в самом начале. Здесь кое-что прояснилось. У каждого термина есть как бы его *узкий смысл* и есть *расширительный*.

Так, для “неживого”, точнее — абиотического, мира (если говорить о действительно крупных сменах качества) больше подходит термин “**катастрофа**”. Мы антропоцентристы, поэтому нашу науку интересуют только те виды катастроф, которые способны повлиять на нашу жизнь на Земле, начиная от взрыва сверхновой (межгалактический масштаб) и приближаясь через ряд вложенных абиотических систем к масштабу человека. Вот почему в ряде работ “катастрофу” не зря связывают с гибелью живых организмов.

Естественные катастрофы иерархически масштабируемы.

Расширительно мы можем говорить и о *социальных катастрофах*, вызванных имманентным развитием самого общества (общество, понимаемое как “естественная” система). Политики могут говорить о “гуманитарной катастрофе в Косово”, но это весьма локальное и кратковременное проявление, которых в истории было бесчисленное множество. Чудовищное по масштабу уничтожение людей, исторические эксперименты фашизма или социализма в определенном смысле завершились социальными катастрофами, но, что характерно, они никак не коснулись менталитета этих обществ: он устойчиво сохранился. Это говорит нам о масштабе “социального катастрофизма” и его причинах: перед нами — масштаб отдельного общества, и причина в обоих случаях — одна и та же: это — попытка грубо вмешаться в естественно сложившуюся систему общественного устройства и управления обществом (переход от адаптивной модели к проектной). У нас есть вопрос, на который пока нельзя дать однозначного ответа: возможна ли ментальная катастрофа? Если появятся новоявленные проектировщики менталитета, то да.

Бифуркация в узком смысле относится к биологии так же, как и революция — к социальной сфере. Системно-бифуркационное описание возможно и по поводу социума (а вот обратное, какая-нибудь “революция динозавров”, хорошо разве что только для журнального заголовка). *Революцию и бифуркацию* мы развели как надсистемный и подсистемный ракурсы одного и того же по масштабу явления. **Революция** применима к ментальному масштабу и ниже, и это следует оговаривать (ментально-формационная революция). Известная серия французских революций показывает, что это может происходить не только в два, а даже в несколько этапов и длиться с перерывами едва ли не целый век.

Общее понятие “**кризис**” имеет скорее локальные характеристики. Оно менее применимо к абиотическим системам: здесь сквозит некий аспект *неуправляемости* этих систем, невозможности дотянуться пока до них нашими силами, особенно — за пределами Земли (например, если начнет гаснуть Солнце).

Кризис в развитии биологических систем возможен как локальный, так и системный (например, широко применяемое словосочетание “экологический кризис” имеет системный оттенок), но вместе с тем при таком употреблении он тоже несет с собой *оттенок возможного участия человека*. В этом смысле бифуркационная характеристика процессов точнее соответствует биологии “как она есть”. Понятие “катастрофы” для биологического мира почти неприменимо, зато катастрофы в абиотическом мире могут вызвать крупные осложнения и даже — *катастрофические последствия* в мире биотическом. Но в ряде случаев, когда в процессах снова фигурируют интересы человека, применяется термин “катастрофа”.

Например, известно, что А.Л. Чижевский разработал теорию, включающую пакет абиотических и биотических факторов, вызывающих катастрофические последствия в обществе. Отсюда — эпидемиологические и прочие катастрофы, влияющие не только на ритмику (в смысле приливов и отливов эпидемий разного характера), но и на возможность выживания той или иной цивилизации: чума, холера, оспа и подобные болезни уничтожали до двух третей населения средневековых городов. Эпидемии психического характера, часто неотличимые от воздействий идеологии и политики, нередко также могли иметь характер катастрофы — все это детально описано в его ярких работах.

Таким образом, **кризис** — это достаточно всеобщий термин, он применим по отношению ко всем известным нам системам, включая социальные. Кризис может привести к разрыву непрерывности, а может и не привести, в этом состоит элемент его непредсказуемости, непознанности. Познаваем и предсказуем **системный кризис**, и данное направление в системогенетике — одно из наиболее перспективных.

Если сравнить использование термина “кризис” наряду с терминами “революция” и “бифуркация”, то можно обнаружить, что кризис более управляем, он подвержен воздействиям, его можно пережить, модифицируя качество, а вот катастрофа и революция в корне меняют само качество систем. Но это говорит лишь о том, что использование понятия “кризис” скорее подсистемное. Мы смотрим на него из масштабов системы, поэтому говорим: кризис начался, кризис завершился; разрушения данной системы не произошло, ее качество не сменилось. Значит, в узком смысле всякий кризис есть явление локальное, подсистемное и относимое к системе как целому.

Другое дело — уровневость кризиса. Ведь и Вселенная тоже система. Если использовать конические модели циклов и импульсы, то станут понятны и разрывы циклов, а также критические точки в трех типах макросистем. Отсюда — теории Больших Взрывов: космогонический, биологический, антропокультурный.

Если понимать циклы иерархично, то станут понятны уровневые катастрофы. Поэтому различимы макрокатастрофизм, мезокатастрофизм, микрокатастрофизм. Наиболее опасны для нас резонансные наложения “катастроф” разных уровней.

Кризисы в обществе предшествуют революциям и приобретают, как правило, перманентный характер. В данном процессе важно, что кризис захватывает и “выводит из строя” одну за другой сферы общественной жизни, т.е. кризис приобретает все более осязаемые системные проявления. Когда в кризис втягиваются все подсистемы, революция становится неизбежной. В этом

отношении все методы современной *социальной кризисологии* локальны. Избавиться от системного кризиса путем какого угодно регулирования и модификаций изнутри невозможно.

3. Формационный циклический кризис

Рассматривая идеальные образования, мы говорим о **ментальных революциях**, а “революция” в этом смысле есть парное понятие по отношению к “эволюции”, что, по сути, означает **формационный циклический кризис**.

Если систематизировать известные нам глобальные революции (независимо от их уровня), оказавшие влияние на все человечество, то можно заключить: первой такой революцией можно считать “неолитическую революцию”, позволившую овладеть металлическими орудиями труда. Она и породила “революцию цивилизованности” Древнего мира, которая запустила новый механизм накопления культуры. Это была первая глобальная формационная смена менталитета. Второй стала “революция религий”, или этическая революция средневековья, где были найдены иные механизмы цементирования общества. Поток “перманентных революций” Нового времени исходят не просто из плодов рационализма, а начинается со смены ментальных ценностей. В XVI–XVII веках — научная революция, в XVIII-м — первая промышленная революция, в XIX веке — вторая промышленная и начало научно-технической революции, развернутой в XX веке и еще продолжающейся. Многоэтапная научно-техническая революция вызвала изменения не только в структуре экономики, но и отклик в потоке социально-культурных “революций” разного масштаба. Последняя “информационная революция” обещает даже уничтожить частную собственность. Но суть ментальности XX века все же в другом, и об этом речь нужно вести особо.

Социум обладает многими каналами для сохранения содержания культуры. В формационных кризисах культура человечества не разрушается, а только переходит к очередному этапу. Как мы уже сказали, точно определить момент начала нового менталитета можно по мощности и целенаправленности разрушений.

К самым характерным признакам, демонстрирующим новизну предчувствуемой последней ментальной формации (и вообще всякой революции), можно отнести:

— **массовый характер исторических событий и наличие в обществе большого числа пассионариев** — их активность и *необратимые последствия их активности* для устройства общества;

— возникновение зачатков новой ментальности и идеологии, с явными признаками **социального доминирования над личностями**;

— сильное проявление **проективности и прогностической ориентированности** этого нового общества, особенно — на первом этапе.

Такую функцию ментального нового несли христианские пророчества. *Футуровертность русского коммунизма* (под множеством наименований) отмечали все философы XX века, но они же и увидели, что в нем нет новых ментальных идей.

Мы насчитали три элемента раздвоения и конкуренции линий в данный период истории: на уровне крупного группового носителя в социуме (скажем, этнос, страна, а то и регион), на уровне “политического” ядра (например, партии,

военные группировки, последователи учений) и на уровне лидера ядра. Дублиры — это интересная тема для исследования, и она является разновидностью темы “веера альтернатив” во времени и пространстве.

Раздвоение альтернатив в наш момент времени имеет глобальный характер. Контуры нового менталитета уже просматриваются. Весь старый аппарат классической науки можно смело выбрасывать на свалку истории: понятия нового менталитета принципиально не могут носить рационально-экспериментальной окраски.

Попытками осознания и даже синтеза основ этого нового менталитета явно наполнена философия русского ренессанса от В. Соловьева до Н. Бердяева.

4. Кризисы в циклической картине мира и критические точки

Кризисы носят всеобщий обязательный характер и присущи всем известным нам формам движения материи. Мы можем распространить на процессы жизни менталитета те же законы, которые наблюдаем во всем объективном мире, и мы делаем это через совокупность инвариантных системогенетических моделей развития. Это вполне возможно и, более того, в некоторых областях знания давно делается (например, в теории экономики, где актуальность вычисления кризисов — самая высокая). Но нередко на этом пути можно наблюдать лишь перенос естественных методов на экономику. Такие мысли высказывали незаурядные русские мыслители А. Радищев и А. Подолинский, их развивала французская экономическая школа “физиократов” и развивает ряд современных “физических” концепций экономики. Как пишет Б. Кузнецов, “основной закон рыночной экономики, “закон спроса и предложения”, конгруэнтно адекватен химическим законам в обратимых реакциях, закон денежного обращения — закону действующих масс, круговорот денежной и товарной масс в замкнутой экономике — циклу С. Карно и так далее. Не случайно самый популярный учебник политэкономии в XX веке был написан специалистом по термодинамике В. Порето. В своем учебнике он применил принципы физики, химии, термодинамики к аналоговым ситуациям в экономике. Кстати, он же впервые использовал в решении экономических задач теорию игр, основные принципы которой восходят к процессам статистическим, термодинамическим и аналогичным — в физических и химических системах” [165].

Но методы естествознания применимы для интересующей нас сферы в весьма ограниченном диапазоне. Эволюционные процессы — процессы синергетические, они сверхсложные, но познаваемые и предсказуемые, ведь это процессы самоорганизации. Наука пока не научилась моделировать неравновесные состояния систем, хотя она уже пробует овладеть методами управления революциями. Можно искать выход в самом человеке, потому что именно в нем сконцентрирована высшая сложность эволюции. Измениться должны и лозунги гуманизма, общей ответственности — принцип конгениального сосуществования с природой нам придется принять как новую жизненную установку, если мы собираемся когда-нибудь перейти к управляемой социоприродной эволюции.

Циклическая концепция “критических точек” в природе (и в способах их измерения) была выдвинута группой наших современных авторов, среди которых можно назвать прежде всего А.В. Жирмунского и В.И. Кузьмина. Кроме того,

этому посвящены работы по длинным волнам С.М. Меньшикова, Л.А. Клименко и других авторов.

Материалы по поводу управления кризисами появляются в печати в небольшом количестве и с характерной периодичностью. О кризисах вспоминают в момент вхождения в кризис, но грамотная постановка вопроса должна быть прямо противоположной. Чтобы подготовиться к кризису, нужно его распознать, откуда и возникает целая совокупность научных и управленческих задач разного уровня.

Соизмеряя стоящую перед человечеством проблему перехода к управляемой социоприродной эволюции и наличный потенциал человечества — мыслительный, организационный и интегративно-управленческий, — приходится констатировать, что сегодня мы отстоим от подходов к решению этой проблемы едва ли не дальше, чем в первой половине XX века, когда цикличность и кризисы вызывали гораздо более живой интерес в обществе.

В завершение темы предложим вашему вниманию пару нестандартных гипотез, основанных на принципе дополнения.

5. Гипотеза “двух этапов революции”, или “репетиций”

У всяких настоящих исторических “разрывов непрерывности” есть неизменный атрибут — *ряд репетиций* до того, как произойдет полная революционная ломка. Репетиции отстоят от основного события на обозримый исторический срок: бунт Пугачева не отнесешь к репетициям революции, а вот революцию 1905 года называли “первой русской революцией” ее же современники. Репетиции позволяют участникам осознать, достаточно ли режим власти прогнил и какими резервами он еще располагает. Кроме того, репетиции дают возможность обеим сторонам исторического конфликта понять свои ошибки в предыдущем столкновении, одним — принять меры, а другим — попробовать еще раз свалить противника с учетом полученного урока.

Мы говорим о примере русской революции 1917 года лишь потому, что уверены (на основе вычислений исторических ритмов): эта революция не была случайностью. Сверховый этап начался со сталинизма, замешанного на рабовладельческом устройстве социума и прикрытого идеологической псевдонаучностью, производимой *машинной манипуляцией общественным сознанием*. Еще Л.И. Мечников на примере первых цивилизаций показал, что всякая цивилизационная история начинается с деспотии, а мы только распространили этот принцип на все типы формаций. Впрочем, о том же говорили еще Сократ и Платон.

6. Гипотеза исторических дублеров

Есть еще один характерный признак, без которого новое в истории никогда не обходится: **наличие рядом исторического дублера** (например, СССР и германский национал-социализм). Эта гипотеза применима к циклам разных уровней.

Мы практически не касались темы дублеров (исторических близнецов) в политике, между тем она лишена интереса даже в личностном плане. Пока к

власти идет Сталин, позади него некоторое время маячат его не то чтобы более наивные, а скорее более специализированные в политике конкуренты (он хуже говорит, хуже пишет, хуже организует дело, чем его отдельные конкуренты, но при отсутствии ярких частных талантов он лучше их удерживает главное — власть, поскольку он — законченный прагматик). Та же история — с Гитлером и его окружением. Эти лидер-дублеры создают необходимую *избыточность*, без которой исторической тенденции трудно было бы реализоваться в потоке случайностей. Различий между претендентами на самом деле нет ни малейших: Троцкий точно так же реализовал бы идею концлагерей и трудовых армий, как это сделал его практичный ученик. Фашизм в случае победы точно так же деградировал бы, как наш победивший социализм. Идея русского коммунизма, как заметил еще Н. Бердяев, есть идея Третьего Рима. В переложении на немецкий — Третьего Рейха. Таким образом, *в истории нет выбора*, зато в истории всегда есть варианты. История жестко, до состояния глобальной программы, детерминирована на всех своих уровнях, но она не фатальна при выборе исполнителей своей программы, государств, партий и персоналий.

Таким образом, мы убедились в существовании трех элементов раздвоения и конкуренции линий в данный период истории: на уровне крупного группового носителя в социуме, на уровне “политического” ядра и на уровне лидера ядра.

* * *

Завершим мы этот разговор неочевидным утверждением: раздвоение альтернатив в наш момент времени имеет глобальный характер. Контуры нового менталитета уже просматриваются. Весь старый аппарат классической науки можно смело выбрасывать на свалку истории: понятия нового менталитета принципиально не могут носить рационально-экспериментальной окраски.